

УДК 123

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ:
ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация. Категория «свобода личности» как предмет научных исследований была актуализирована в эпоху европейских буржуазных революций, когда в процессе развития цивилизации созрел вопрос о правах человека, что наглядно было отражено в известной Декларации прав человека и гражданина времен великой французской революции. На этот счет опубликовано множество трудов, но еще остается немало дискуссионных позиций, учитывая, что свободы изучается практически всеми науками гуманистической направленности. В этом контексте в статье выявляются основных признаки свободы личности как социальной ценности, раскрываются особенности ее реализации в России в политико-историческом аспекте. Анализируются различные точки зрения в сопоставлении с общественно-политической ситуацией в России, при этом затрагивается как монархический период ее исторического развития, так советский и постсоветский периоды. Обосновывается авторское понимание свободы, в частности, указывается, что грань, за которой заканчивается несвобода и наступает свобода, можно отодвигать до тех пор, пока человек не окажется в состоянии, при котором он имеет возможность действовать сообразно собственному выбору, своим желаниям и потребностям, осуществлению которых не препятствуют действия иных лиц, угрожающие жизни и здоровью либо иным равнозначным для данного человека ценностям. Делается вывод о том,

что России общественная свобода (как совокупность свобод личностей) реализуется в условиях еще недостаточно активного гражданского общества.

Ключевые слова: свобода личности, общество, государство, выбор, закон, необходимость, власть.

***PERSONAL FREEDOM
AND THE FEATURES OF ITS IMPLEMENTATION IN RUSSIA:
POLITICAL AND HISTORICAL ASPECT***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Abstract. The category of "personal freedom" as a subject of scientific research was actualized in the era of European bourgeois revolutions, when in the process of civilization development the question of human rights matured, which was clearly reflected in the famous Declaration of the Rights of Man and the Citizen of the Great French Revolution. Many works have been published on this subject, but there are still many controversial positions, given that freedoms are studied by almost all sciences of humanistic orientation. In this context, the article identifies the main features of personal freedom as a social value, reveals the features of its implementation in Russia in the political and historical aspect. Various points of view are analyzed in comparison with the socio-political situation in Russia, touching upon both the monarchical period of its historical development, as well as the Soviet and post-Soviet periods. The author's understanding of freedom is substantiated, in particular, it is indicated that the line beyond which unfreedom ends and freedom begins can be pushed back until a person finds himself in a state in which he has the opportunity to act in accordance with his own choice, his desires and needs, the implementation of which is not hindered by the actions of other persons threatening life and health or

other values equivalent to this person. It is concluded that in Russia public freedom (as a set of personal freedoms) is realized in the conditions of a still insufficiently active civil society.

Keywords: personal freedom, society, state, choice, law, necessity, power.

В процессе своего развития человеческое сообщество выработало ряд присущих только ему механизмов, позволяющих поддерживать на определенном уровне реализацию индивидами сложившихся ценностей. Среди последних свобода личности занимает особое место, поскольку предполагает возможность осмысленного, осознаваемого выбора и тем самым во многом, если не в решающей степени, определяет вообще смысл жизни отдельных индивидов. Так, Гегель утверждал, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы» [1, с. 19]. Совершенно справедлива также мысль о том, что «личность не может существовать без свободы» [6, с. 146]. Вместе с тем свобода не есть нечто однозначно, математически определенное социальное явление – на его сложность обращается внимание большинством исследователей, обращающихся к данной проблематике, чьи труды показывают, что свобода вообще и свобода личности в частности могут рассматриваться с разных точек зрения (философской, правовой, психологической, политической, религиозной и т.д.), например, Н.А. Бердяев указывал на то, что «свобода есть сплошной парадокс и полна противоречий» [11, с. 2].

При этом на понимание свободы в России важное значение имели те политико-правовые условия, которые создавались в конкретных исторических периодах. Так, в советском государстве среди гуманитариев как непреложная диктовалась марксова формула о том, что свобода есть осознанная необходимость. Данный тезис, вместе с тем, комментировался по некоторым направлениям, заслуживающих внимания. Так, по мнению И.Л. Петрухина, «социальная необходимость не поглощает свободу личности; человек сохраняет возможность действовать по собственному усмотрению» [9, с. 7]. При этом во вза-

Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

имозависимости необходимости и свободы Г.В. Дубовым замечена парадоксальная, на его взгляд, ситуация: чем больше человек познает необходимость и, прежде всего законы природы, тем сильнее он зависит от условий, которые познал, поскольку вынужден «связываться» этим знанием и в этом смысле становится менее свободным [4, с. 51]. На это счет имелась и другая точка зрения - приобретение и осознание человеком новых знаний является лишь необходимой, но отнюдь не достаточной предпосылкой свободы, в числе других предпосылок - реальность условий для совершения поступка, мировоззренческая позиция, физическое и психическое состояние человека, его потребности [7, с. 13].

Но такой подход (свобода как осознанная необходимость), основательно раскритикованный, и прежде всего за схоластичность, после распада СССР в 1991 г., не является определяющим, и, одновременно, какого-либо доминирования в обобщенном понятии свободы в постсоветской России, не наблюдается. Тем не менее есть ряд суждений, которые, как представляется, дают возможность вывести некоторые общие признаки свободы, в частности, обращается внимание на то, что важнейшим и необходимым структурным элементом свободы является выбор (Н.Е. Шлайфер, И.И. Логанов, Т.И. Ойзерман и др.). Свободно выбирая, человек испытывает определенное удовлетворение, удовольствие, комфорт. В этом, собственно, и состоит результат реализации свободы как блага, как ценности, причем, речь идет о выборе именно действий, поведения, поскольку при различном толковании свободы с точки зрения ее материального воплощения (свобода как способность, как состояние, как явление, как одномоментный акт и т.д.), здесь она рассматривается именно как практическое человеческое действие.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что человек не всегда руководствуется желанным выбором, поскольку может быть и нежеланный, вынужденный выбор, например, действия при необходимой обороне, крайней необходимости и т.д. Возникает вопрос: если человек поступает вынужденно, то является ли его

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

поступок свободным, можно ли вообще говорить здесь о свободе? Тут мы подошли к еще малоизученному вопросу о грани, разделяющей свободу и несвободу. При той же самообороне человек вынужден защищаться, и здесь с точки зрения выбора общей линии поведения (на самооборону), он действует действительно несвободно (он может и не защищаться, открыв себя насилию, и этот выбор тоже как будто можно считать свободным, однако, думается, таковым он не является, поскольку человек произвольно защищает свою жизнь). Однако, в рамках этой общей линии, выбранной несвободно, у человека сохраняется возможность выбора конкретных средств самозащиты, то есть, в рамках общей несвободы он все же в состоянии действовать свободно, хотя конечно, очень ограниченно. Как видим, при вынужденном выборе могут полагаться элементы свободы, но вряд ли правильно в таких случаях говорить о свободе личности как таковой, ведь элементы свободы проявляются вынужденно, под действием значительно большей несвободы.

Интересный случай в этой связи приводит Т. Гоббс, рассуждая о рабе, который волею судьбы оказался в услужении у хозяина. Философ указывает, что раб, будучи несвободным, поскольку полностью подчинен хозяину, тем не менее, свою личную свободу не теряет полностью, в частности, он может попытаться применить такие меры и средства, которые избавили бы его от рабского состояния, в их числе «навредить самому себе» или даже добровольно уйти из жизни [2, с. 369]. Здесь, как видно, речь идет об относительном ограничении свободы действий индивида. Но в принципе же возможна и абсолютная несвобода. Так, А. Грюнбаум считает, что принуждение, применяемое к личности, в некоторых случаях может свести ее свободу к минимуму: «когда мы физически ограничены в выполнении наших желаний, которые возникают у нас в результате реагирования на общую стимулирующую ситуацию нашего окружения, и вопреки мы вынуждены предпринимать совершенно иные действия» [3, с. 67]. В приводимом этим автором примере человек действует по принуждению в буквальном смысле, если другой физически более сильный че-

Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

человек заставит силой нажать на кнопку взрывного устройства, которую он не хотел нажимать. Но вот более простой пример: человек, у которого отнята непосредственная физическая свобода (например, он связан веревками), лишается абсолютной физической свободы.

Соответственно грань, за которой заканчивается несвобода и наступает свобода, как представляется, можно отодвигать до тех пор, пока человек не окажется в состоянии, при котором он имеет возможность действовать соответственно собственному выбору, своим желаниям и потребностям, осуществлению которых не препятствуют действия иных лиц, угрожающие жизни и здоровью либо иным равнозначным для данного человека ценностям (это может быть угроза семье, имуществу и т. д.). Следует заметить, что категория свободы, рассматриваемая в общегуманитарном контексте, требует рассмотрения ее целеполагания. Так, В.Ф. Паркин полагает, что «не всякая реализация и не любой цели служит показателем свободного действия» [8, с 119]. По мнению этого ученого таковым показателем может быть только такая цель, которая отражает «прогрессивную общественную необходимость, оказание общественной значимости поставленной цели и тех результатов, к которым может привести ее реализация» [8, с. 119]. Думается, что здесь цель неоправданно ограничивается. Ведь как считает сам же этот автор, цель представляет собой «идеальный внутренний образ», некую «идеальную форму предмета», которые подлежат объективированию [8, с. 120]. Но таковыми целями, как мы полагаем, может быть как благая цель, так и преступная, так и иная (например, «свобода творить глупости» [5, с. 26]).

В этом же контексте трудно согласиться с тем, что тот же преступник, замыслив злодеяние, действует несвободно лишь по причине несоответствия его преступной цели «прогрессивной общественной необходимости». Соответственно мы полагаем, что свободоизъявлению может сопутствовать в принципе любая цель. Важно только, чтобы она не диктовалась принуждением, сопряженным с угрозой для жизни и здоровья, что определяет, как указывалось вы-

Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

ше, грань свободы–несвободы. Нельзя также не учитывать и того, что критерии «прогрессивности» или «непрогрессивности» общественной необходимости отнюдь не всегда однозначны.

В постсоветский периода российскими учеными делают акцент не на понимании свободы как такой, а об ее проявлении в разных сферах общественно-политической и социально-экономической жизни. . Так, по мнению Э.В. Никитиной, «философско-правовом контексте свобода человека предстает как возможность действовать в сферах, не ограниченных со стороны государства» [10, с. 141]. Есть немало и других суждений, в том числе в работах последних лет [13; 14; 15; 16 и др.], в которых, однако, обобщающих выводов о сущности свободы обнаружить трудно, что, впрочем, вероятно, можно объяснить тем, что современная жизнь нуждается больше в прикладных исследованиях, чем в фундаментальных.

Затронем далее вопрос о возможностях реализации свободы личности в России применительно к разным историческим эпохам с присущими им конкретными общественно-политическими и социально-экономическими условиями. Так, о свободе личности в Российской империи можно говорить с большой долей условности, имея в виду прежде всего наличие крепостного права. Однако не будем забывать о том, человеческое сообщество последовательно развивается, и в XVII-XVIII вв. буржуазные революции открыли для человечества новые горизонты развития, освоение которых продолжается до сих пор (и пока не видно признаков качественно иных векторов исторического процесса). В числе цивилизационных достижений безусловно следует назвать возвышение для человека такого блага, как свобода личности, и не случайно на флаге французской революции было начертано «Свобода. Равенство. Братство». В России правящая элита, как известно, не восприняла этих новшеств, и абсолютизм как форма правления в виде самодержавия просуществовал до начала XX в. Важно заметить вместе с тем, что самодержавие как политический режим ограничивало свободу личности для всех подданных Российской империи, и прежде все-

Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

го, конечно, для крепостных и других представителей низших сословий. При этом, однако, не было учтено, что индивиды как представители рода человеческого всегда стремятся к большей свободе (в данном случае речь идет о свободе определять свое место в обществе, то есть, на наш взгляд, наиболее важной свободе, и в этом смысле мы полагаем возможным совокупность свобод всех личностей в конкретном обществе полагать как общественная свобода).

И это естественное право осознавалось всё бóльшим числом людей во всех странах, и особенно когда в европейских государствах демократические принципы стали непосредственным механизмом формирования властных структур. Россия не стал исключением, и крупнейшее крестьянско-казацкое восстание под предводительством Пугачева показало, что и люди низших сословий хотят быть более свободными. Но здесь возникает вопрос о том, насколько сильным являлось стремление к свободе. Дело в том, что хотя это восстание было самым массовым протестным движением против действующей власти в истории России (численность участников превышала сто тысяч человек), в масштабе всей страны оно не стало всеобщим, то есть, абсолютное большинство населения из низших сословий сделали иной выбор – не участвовать в протесте. Был ли выбор участвовать или не участвовать в протесте свободным? Мы полагаем, что да, выбор был свободным. Каждый представитель низших сословий своей волей определял свой выбор, и для такого выбора у человека не было внутренне-волевых-убежденческих препятствий. Другое дело, что последствия выбора участвовать в восстании, вероятно, для абсолютного большинства их тех, кто перед таким выбором был представлен, показались неприемлемыми, и они отказались присоединиться к восставшим. В данном случае привычный образ жизни, социальное, имущественное, семейное положение, страх перед наказанием (а потенциально это ни много ни мало смертная казнь, что в итоге и имело место в отношении значительного числа восставших), другие жизненные факторы оказались весомее, чем призрачные вы-

годы от маловероятной победы восставших, и выбор такими людьми был сделан в пользу неучастия в протесте (восстании).

И этот был свободный выбор, но выбор сохранения прежней несвободы (точнее, прежних ограничений свободы, поскольку абсолютного рабства в России, конечно, не было). В других странах ситуация была иной, в той же Франции во время Великой буржуазной революции большинство ее жителей сделали выбор участвовать в движении к большей общественной свободе, и они добились таковой. Но у народов Европы одна судьба, а в России, с ее особенностями исторического развития (многолетняя зависимость от Орды, крепостничество, междоусобица и т.д.) - другая судьба. И последующие исторические эпохи подтверждают, что население России чаще всего предпочитало (и предпочитает до сих пор) подчиняться действующей власти, независимо от путей и способов ее формирования. Так, движение декабристов, прогрессивное и благородное - по критериям цивилизованности на тот период - не нашло поддержки в российском обществе, декабристы были признаны государственными преступниками и осуждены при молчаливом согласии тех, ради которых они отдали свои жизни и были отправлены на каторгу. Отмена крепостного права была осуществлена «сверху», по милости той же императорской власти, при этом абсолютизм в образе самодержавия оставался прежним; крепостные получили личную свободу, но это был не их выбор, а выбор имперской власти, осознавшей, наконец, что крепостничество в середине XIX в. резко снижает репутацию государства и потенциально опасно новыми масштабными протестами. И уже тогда довольно четко обозначилась проблема развития в России гражданского общества, которое непосредственно связывается с общественной свободой [12, с.218].

Очевидно, что в Российской империи гражданского общества не было, и при самодержавии его по определению не могло быть. Трудно говорить о гражданском обществе и в советском государстве. Большевики, взявшие власть в 1917 г. и руководившие страной от имени незначительного меньшинства (про-

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

летариата), навязали абсолютному большинству (крестьянству) единственный, без выбора, путь дальнейшего развития согласно искусственным лекалам теории коммунизма. И абсолютное большинство советских людей, теперь уже при формальном равноправии, уже при конституции, уже без всякого самодержавия и без всяких сословий, приняли этот образ жизни – с руководящей ролью КПСС, восхвалением правителей и т.д. Между тем общественная свобода советских граждан, вопреки лозунгам и конституционным нормам, существенно ограничивалась: они не могли заниматься предпринимательской деятельностью, создавать свои общественные организации, пропагандировать иные, кроме коммунистических, идеи, выпускать свои газеты и журналы, выезжать в частном порядке за границу, высокая карьера была невозможной без членства в ВЛКСМ и КПСС и т.д. Выборы депутатов в Советы де-факто были безальтернативными, а кандидаты в депутаты в обязательном порядке должны были получить предварительное одобрение в местных организациях КПСС. Тем не менее, избиратели голосовали почти единодушно за безальтернативных кандидатов (98-99%), причем это было без каких-либо фальсификаций (автор имел возможность в этом убедиться, работая в советских избиркомах разного уровня), при этом справедливости ради нужно заметить, что депутаты Советов были как правило достойными и уважаемыми людьми (другое дело, что Советы, являясь формально властными структурами, де-факто лишь санкционировали партийные предписания). Как видно, и в СССР гражданское общество было не на высоте. Но для жителей СССР существовавшее положение было приемлемым, и они соглашались с ограничениями их свободы.

Как представляется, здесь имела место общественно-историческая психология: при всех издержках свободы личности в СССР было все же больше, чем в империи. В частности, даже в рамках стесненной экономической и политико-идеологической свободы, советские граждане в своем абсолютном большинстве имели значительные возможности для самореализации: обучение в вузах и техникумах, научная деятельность, техническое творчество, спорт, искусство, Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

литература и т.д. при достаточно мощных социальных гарантиях. Была также генеральная коммунистическая идея. В совокупности всё вместе это было важнее отсутствия свободы в некоторых сферах. Поэтому единичные выступления оппозиционеров («антисоветчиков») и протесты воспринимались в основном негативно (так, не были поддержаны открытое выступление Ф.Ф. Раскольникова против диктатуры Сталина в 1939 г., протест рабочих Новочеркасска в 1962г., выступления академика А.Д. Сахарова в 1970-е гг. и т.д.). Но с конца 1970-х гг. стало приходить понимание, что генеральная идея коммунизма не выдерживает испытания практикой, уровень жизни понижался, и общественное сознание вошло в противоречие с консервативной партбюрократией. Вот тогда-то, на рубеже 1990 г., впервые и пока единственный раз, на наш взгляд, российское население потребовало общественной свободы. И получило ее в виде сначала также впервые проведенных действительно свободных выборов депутатов Верховных Советов (в 1989 г. на союзном уровне и в 1990 гг. в РСФСР) и затем, уже после распада СССР, Конституции России 1993 г. Однако этот порыв довольно быстро угас, и общество полностью доверилось новой власти. Свободы стало больше, равно как «прихватизации» общего достояния, а социальных гарантий – меньше. Такое положение мало кого устраивает, и сейчас российское общество вновь поставлено перед выбором параметров общественной свободы, выбор вектора которой пока не имеет очевидной направленности, но этот выбор делать придется.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Соч. в 14 т. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. Т. XVIII. 527 с.
2. Гоббс Томас. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 621 с.
3. Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. 1970. № 6. С. 62-171

4. Дубов Г.В. Проблема свободы и ответственности в общественной мысли и современность. М.: Академия МВД СССР, 1990. 147 с.
5. Зотов А.Ф. Право, свобода, демократия / Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 26-27.
6. Козулин А.И. Об источниках прав человека // Государство и право. 1994. № 2. С.142-151.
7. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М.: Политиздат, 1969. 96 с.
8. Паркин В.Ф. Диалектика свободы при социализме. М.: Высшая школа, 1973. 144 с.
9. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1985. 239 с.
10. Никитина Э.В. Соотношение формальной и реальной свободы в аспекте реализации права // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2. С. 141-147.
11. Бердяев Н.А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. 1931. № 1. С. 59-66.
12. Кобесова Д.А., Пеганова Я.В., Удыч М.Ф., Иванова Н.О. Генезис свободы личности в России //Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 216-218.
13. Миронов В.О., Зин Н.В. Вновь о правах и свободах личности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С.108 -111.
14. Федоров М.В. Интерес к свободе как детерминанта конфликта //Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222). С. 42-45.
15. Гаджиев И.З. Правомерные ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Вестник свободы. 2023. № 1. С. 133-136.
16. Ларина Г.Н. Особенности свободы личности и группы в местах лишения свободы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 / Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-svobody-lichnosti-i-gruppy-v-mestah-lisheniya-svobody/viewer> (дата обращения: 30.08. 2024).

Оригинальность 84%